

А ПАРАЗИТЫ - НИКОГДА!

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Раздался грохот и все смолкли. Анна Владимировна вышла из гостиной из-за тогтеса умел. Треплов то-Посмитров на постриг Николая на дворцовую набережную и направилась в Таврическую губу сторону и столкнулся с помнив малость, и промолви бросился в лодку. Ей хотелось с каким-то солдатом: "Некуришь от асигнации. Надо посмотреть на этих хамов, взявших власть. Кто же купил кишечек?". Треплов хар Зуб.

Анна вошла в Таврический дворец. Кругом шла регистрация делегатов. Преобладали большевики и межрайонные. У одного из окон скривились левые эсары. Ждали Спирidonова и Карелина. Речь держал Петрасайло, избранный от Курской губернии. Говорил Петрасайло горячо и пугано, первая иноземная слова. Анна подошла поближе и прислушалась. Голос Петрасайло показался ей очень похожим на голос отца, Владимира Александровича. Анна визгливо вскрикнула и упала в обморок. К ней подбежало несколько человек. Один из подбежавших плеснул Анне в лицо воду из котелка. Вода оказалась кипятком. Анна, взяла, мгновенно пришла в себя. Вскочив, она увидела перед собой Ивана Шадрина. "Извините, ламочка", — пролепетал Шадрин. Анна попыталась убежать, но обожженное лицо болело не виновно. "Пора прощаться с большевикам", — подумала Анна. Вытерев лицо платком, она вскинула голову и произнесла: "Товарищи! Наступил решающий момент! Родина в опасности! Товариши!" — голос сорвался. Лицо все-таки болело Анна снова упала в обморок.

Очнулась она, когда вокруг было совсем тихо и темно. Она лежала в своей спальне в фамильном палаце на Лубянской набережной. Тихо вошел дворецкий "К вам Обольянинов. Пожалуйте принять?". "Зови", — сказала Анна, торопливо наливая чай. "Есть новости", — неслышими шагами вошел в комнату Обольянинов. "Нам согласны помочь Треплову и Маргариту Булганина. У них с Ульяновым какие-то иллюзии разногласия. Влюблен, возможно, удастся склонить часть эсеров на нашу сторону. Потом уже у нас". "Всё было с мукиками да с веснушками", — покачала плечами Анна, — "лучше бы отнесли мои записки на мойку к Феликсу Исупову. Как никак родственники". Они посмотрели друг на друга в глаза. Анна демонически захочетела.

Фим Треплов в Таврическом третий день регистрировал прибывающих делегатов-метрополитов. Публика была привычная, изредка лишь походила как-нибудь стареющий фотографический рабочий в синих сажах, лично преданный Троцкому, или пьяный матрос с "Юрика". Но сегодня Треплову взело, зарегистрироваться к нему пошли только хорошо одетые сытым межрайонам. Одного из них Треплов узнал издали. С этим человеком они встречались в сибирской ссылке вместе, приезжая из Петровавловска в 1910 г. Захар Зуб почти не изменился. Взгляд его был все так же резок и прям. Захар с детства, порывая с родителями — доморощенными крестьянами, ушел по "ком" в Вологодчину в Петербург, обучился математике. В мартинские времена царизма увлекся революционной деятельностью, за что по два ранения.

Сейчас он улыбался и обращался к Треплову: "Ну что, приятель, до падлись! Теперь все пойдет по-новому!". Треплов слегка отступил словно оторопившим. "Вдруг он что-нибудь знает...", — прошел слова в голове у него. Чтобы открыться, Треплов сделал вид, что закуривает. И Ридзинеко, стоявший

М.ШАТРОВ

